

Выждав, пока во дворе никого не останется, Ся Чэнь прокрался в комнату Нань-гэера. Стоило ему переступить порог, как он увидел Дун-гэера: тот стоял спиной к двери и лихорадочно запихивал что-то себе за пазуху.

— Да не прячь ты, это я, — тихонько проговорил Ся Чэнь, прикрывая за собой дверь.

— Напугал до смерти! Я уж подумал, отец застукал, — облегченно выдохнул Дун-гээр, выживая обратно припрятанную половину пышной паровой лепёшки.

При виде этого зрелища Ся Чэнь невольно скривился.

Нань-гээр, впрочем, ничуть не смутился. Даже не потрудившись смахнуть прилипшие к щекам крошки, он лежал на животе и уплетал лепёшку за обе щеки. В какой-то момент он так подавился, что, вытянув шею, отчаянно захрипел, требуя запить.

— Наказание ты моё, — проворчал Дун-гээр, но послушно поднялся и пошёл наливать воду.

Пока Нань-гээр шумно, захлёб пил, Ся Чэнь подошёл поближе и заговорицки прошептал:

— Ну как, сильно болит?

Бедный мальчишка, в каком-то смысле Ся Чэнь сам его подставил. Поскольку дядя из всех сил выказывал рвение к учёбе и грамоте, отчаянное сопротивление племянника приняло на себя весь гнев старшего поколения.

Вспыльчивый Ся Далан сразу схватился за хворостину, но Цяонянь вовремя удержала мужа, решив дать сыну шанс объясниться. Однако, услышав от Нань-гэера, что тот боится строгих учителей и вообще считает учёбу каторгой, невестка умыла руки. Ся Далан взревел: «Учителя он боится! А родного отца ты, значит, не боишься?!» — после чего знатно выпорол сорванца и оставил без ужина.

Ся Чэнь прекрасно понимал: грозные слова взрослых — лишь воспитательный манёвр. Никто не собирался морить ребёнка голодом. Иначе зачем бы госпожа Ся затеяла на ужин именно лепёшки? Явно для того, чтобы Дун-гээр или сам Чэнь могли без труда утащить парочку в комнату к «наказанному».

— Немножко ноет, — хитро проговорил Нань-гээр, заискивающе глядя на дядю. — Но если бы мне перепало хоть одно засахаренное облачко, сразу бы всё прошло!

Мальчик ни капли не обижался на Ся Чэня и не держал зла. Засахаренных фруктов у юноши не

нашлось, зато были сушёные ягоды. Ся Чэнь собрал больше сорока спелых клубничин: половину отдал Ся Тунбаню, заплатив десять медных монет за сушку, а вторую припрятал в системном складе. Отправляясь к племяннику, он прихватил с собой десяток ароматных ягод.

Ся Чэнь вытащил из поясного мешочка бумажный свёрток и протянул его племяннику. Высушенные ягоды сильно усохли, но их диковинная форма по-прежнему оставалась загадкой для деревенских ребятишек.

— Ого, как пахнет! — Нань-гээр втянул носом воздух и тут же отправил сморщенную ягоду в рот.

Кисло-сладкий вкус мгновенно покорила его. Блаженно зажмурившись, мальчик быстро прожевал угощение и тут же потянулся за следующим.

— Дай мне тоже! — взмолился Дун-гээр, у которого слюнки потекли от зависти.

У младшего дяди вечно водились всякие диковинки. То волшебная вода, то невиданные орешки — как-то раз дядя угостил его горстью зажаристых зёрен печёной кукурузы, которую Ся Чэнь ухитрился приготовить прямо в системном пространстве (за что Тунбань едва не выставил его вон), сладких и до безумия ароматных.

Мальчик прекрасно знал, что эти лакомства дяде достаются вовсе не потому, что бабушка с дедушкой его балуют. Он как-то подслушал разговор родителей: мама рассказывала отцу, будто старый даос с горы назвал Ся Чэня благословенным судьбой. А значит, дядя точно повстречал настоящего бессмертного небожителя!

Скрепя сердце Нань-гээр поделился одной ягодкой. Распробовав сладость, Дун-гээр потянулся за второй, но брат поспешно спрятал кулёк.

— Вот жадина! — надулся Дун-гээр. — А кто тебе лепёшки ворует?

— Зато я сегодня повторил твои же слова и получил за это взбучку! — обиженно заворчал младший.

Ся Чэнь едва сдерживал смех.

«Эх, племяшка, сравнил тоже! Твой брат промучился в школе целых полгода, пока сам учитель не признал, что тратить на него семейные деньги бессмысленно — у парня просто нет способностей. А ты даже за порог класса не ступил, а уже на попятную. Конечно, отец разозлился!»

Однако вслух он этого говорить не стал. Ся Чэнь не сомневался в собственной гениальности и метил чуть ли не в первые ученики империи, но ручаться за успехи племянника не мог. Вдруг

тот унаследовал семейную нелюбовь к чтению? Наобещаешь сейчас золотые горы, затащишь силой в школу, а потом парень из-за тебя заплачется. Кто тогда будет виноват?

Впрочем, потакать капризам Нань-гэера никто не собирался. Судя по решительному настрою отца, участь младшего племянника была решена: как только придёт срок, они вместе отправятся на учёбу. Ся Чэню оставалось лишь пообещать себе приглядывать за малым.

Пока они болтали, братья дружно умяли всю сушёную клубнику. По праву пострадавшего Нань-гэеру досталось чуть больше. Дождавшись, когда лакомство исчезнет, Ся Чэнь прибрал за собой обрывки бумаги, заставил сорванцов прополоскать рот и только после этого тихонько выскользнул из комнаты.

На следующее утро Ся Чэнь, верный своим привычкам, сладко потянулся и повалялся в постели подольше, а затем устроился во дворе под ласковыми лучами солнца, неторопливо завтракая. Госпожа Ся подошла к сыну и положила перед ним аккуратный свёрток из широких зелёных листьев.

— Ранним утром прибежал тот маленький даос, — ласково улыбнулась мать. — Сказал, это для тебя.

Сгорая от любопытства, Ся Чэнь развернул листья. Внутри лежали россыпью пёстрые лесные ягоды и несколько сочных, очищенных от земли корешков. Он сразу узнал их — деревенская детвора обожала эти диковинные лакомства, хотя отыскать их в лесу стоило немалого труда.

— И когда он только успел прийти? — Ся Чэнь отправил в рот сладкий стебелёк. Деревенские называли эту траву сладким корнем: если разжевать сочную мякоть, во рту разливался нежный, едва уловимый медовый вкус.

— Да ещё до часа дракона примчался, — покачала головой мать. — Ворота наши заперты были, так он топтался у порога, постучать не решался. Хотел просто свёрток у двери оставить, да Старик Юй как раз вышел со двора и заметил его.

— Так рано? — удивился юноша.

Час дракона — это самое утро, едва рассвело. Чтобы спуститься по крутым тропинкам к деревне, мальчишке нужно было потратить не меньше получаса.

Госпожа Ся тяжело вздохнула.

— Бедный сирота, натерпелся малец в жизни горя. Мать его мачехой в ту семью пришла, а старший брат у него аж на двадцать лет взрослее. Как отец преставился, мать его снова замуж

выскочила и уехала, а брату с невесткой лишний рот обузой стал. Поговаривали, они его продать хотели... — тут женщина запнулась, не желая посвящать сына в грязные подробности, и быстро сменила тему: — Хороший он мальчик, прилежный. Будешь с ним дружить — гляди мне, не обижай сироту.

Ся Чэнь шутливо надулся:

— Матушка, неужто я похож на забияку? — Но, немного подумав, добавил: — Я заметил, одёжка на нём совсем ветхая, тонкая. Можно я отдам ему свой прошлогодний стёганный халат? Я из него всё равно вырос.

В бедных деревенских семьях тёплая вещь ценилась на вес золота. Одежду берегли годами, передавая от старших к младшим. Самым маленьким обычно доставалось жалкое рубище из заплаток, где слежавшаяся вата внутри давно превратилась в жёсткие комки и совершенно не грела.

В доме Ся, хоть ребятишек тоже хватало, достаток был иным. Ся Чэнь рос всеобщим любимцем, поэтому новые наряды шились ему регулярно, в то время как Нань-гээр частенько донашивал вещи за старшим братом. К тому же в свои «глупые» годы Ся Чэнь целыми днями сидел смирно, не бегал и не пачкался, так что его прежний зимний халат выглядел почти как новый.

Госпожа Ся сначала думала перешить этот халат или отдать родственникам в уезд — у её братьев подрастала куча детишек. Однако, услышав, что сын хочет помочь Сюй Хэлаю, она спорить не стала.

— Матушка, когда вы в следующий раз соберётесь к храму на горе, возьмите меня с собой, — попросил Ся Чэнь. Горная тропинка совсем заросла от времени, он поднимался туда всего однажды и боялся заблудиться.

— Зачем же на гору карабкаться? — улыбнулась госпожа Ся. — Мальчик завтра снова спустится, тогда сам ему и отдашь. Вот только сможешь ли ты, Юаньбао, проснуться к такому часу?

— Зачем он приходит в такую рань каждый день? — удивился юноша.

— Говорит, утренняя тренировка у них, — вздохнула мать, сокрушённо качая головой. — Натощак, не макнув и куска в рот, бежит с самой вершины донизу, а потом обратно. В такой холод несётся, весь сырой от пота! Если б я сегодня его не остановила, он бы прямо из колодца ледяной воды нахлебался. Ох, как же я рада, что мой Юаньбао тогда не пошёл в послушники!

«И то правда», — мысленно согласился Ся Чэнь, невольно передёрнув плечами от одной мысли о подобном закаливании. Свои силы он оценивал здраво: столь суровые испытания изнеженному организму явно не по плечу. Теперь понятно, почему старый даос отказался

брать его в ученики.

И всё же маленького даоса стало искренне жаль.

Покончив с завтраком, Ся Чэнь решил провести раненого племянника. Однако, заглянув в детскую половину, он обнаружил там лишь пустоту. Исчезновение Дун-гэера его не удивило — этого егозу дома удержать было невозможно. Но Нань-гээр, который вчера от боли не мог спать иначе как на животе, просто физически не мог убежать развлекаться с друзьями.

— Мама, а где Нань-гээр? — крикнул он во двор.

— В поле ушёл.

— Чего?!

— Отец ваш рассудил просто: раз малец так рвётся крестьянствовать, незачем ему без дела сидеть. Пусть привыкает к земле. Ни свет ни заря увёл обоих оболтусов работать.

«Ну отец, ну силён!» — восхитился про себя Ся Чэнь. Глава семейства зашёл с козырей. Очевидно, сегодня мальчишке пощады не будет. Пусть на собственной шкуре прочувствует, что махать мотыгой под палящим солнцем куда солоней, чем корпеть над книжками.

Посвятив три секунды молчаливому сочувствию племянникам — особенно ни в чём не повинному Дун-гэеру, который без вины виноватый загремел на отработку за компанию, — Ся Чэнь с лёгким сердцем отправился на свой огород за домом.

Привычными движениями он сделал ровные лунки, засыпал туда семена, подходящие для нынешнего сезона согласно наставлениям из агрономической книги, и хорошенько полил грядки. Стоило ему мысленно перенестись в системное пространство, как шкала опыта привычно поползла вверх.

Увы, чем выше уровень, тем медленнее шёл прогресс. После того памятного открытия подарочных сундуков Ся Чэнь смог разблокировать лишь одно простенькое достижение, получив в награду жалкие пять самоцветов. Больших квестов не предвиделось, и баланс медных монет рос черепашьими темпами — всего на несколько десятков в день.

Ся Чэнь тоскливо посмотрел на длинную полосу опыта.

«Эх, когда же я наконец доберусь до эпохи автоматизации?»

Простая монотонная посадка давала крохи. Чтобы быстро расти в уровнях, требовались полноценные задания с щедрой наградой. Но ежедневные поручения приносили сущие

пустяки, а первый этап главного квеста — вырастить сто уникальных видов культур — всё ещё казался недостижимой мечтой.

Случайные квесты сулили горы золота, однако текущее задание намертво забуксовало. Как бы Ся Чэнь ни отбирал лучшие семена на системных полях, по самым оптимистичным расчётам предельная урожайность с одного му не превышала трёхсот пятидесяти килограммов. До заветной планки в четыреста килограммов не хватало совсем чуть-чуть.

Немного поразмыслив, Ся Чэнь поспешил на передний двор к матери:

— Матушка, я схожу проведу мальчишек, отнесу им попить.

Как раз сейчас крестьяне вовсю занимались севом риса. Юноша рассудил, что личные наблюдения за работой местных умельцев могут натолкнуть его на какую-нибудь ценную идею.

Накинув на плечи небольшую бамбуковую корзину с глиняными пиалами, которую для него отыскала невестка Цюнянь, он пошёл к выходу. Сама Цюнянь несла тяжёлый кувшин со свежей водой. Госпожа Ся всё ещё опасалась отпускать младшего сына одного, так что старшая сноха вызвалась его сопровождать.

На краю поля уставшие племянники, завидев мать, едва не разрыдались от жалости к себе, но стоило Ся Далану грозно зыркнуть в их сторону, как горькие слёзы тут же были проглочены обратно.

Ся Чэнь заботливо налил отцу пиалу воды. Господин Ся выпил всё до капли и, заметив, с каким неподдельным интересом сын разглядывает копошащихся в грязи людей, добродушно рассмеялся:

— Вот видишь, Юаньбао, каков он — крестьянский труд. Спину гнуть с утра до ночи. Ты уж лучше учись прилежно, негоже тебе тут надрываться. Отец костями ляжет, но не допустит этого.

Дун-гээр и Нань-гээр укоризненно уставились на родителя.

— А вы чего вылупились?! — гаркнул на них Ся Далан. — Согласитесь учиться — в тот же миг со двора ни шагу в поле не сделаете!

От души посмеявшись над семейной сценой, Ся Чэнь перешёл к делу:

— Отец, а где наши рисовые поля? Хочу посмотреть, как сажают рис.

Ся Ци не удержался от смешка:

— Глупенький ты мой Юаньбао, так мы на нём и стоим. Это и есть рисовое поле.

Юноша опешил. Он растерянно перевёл взгляд на крестьян, которые разбрасывали семена прямо в подготовленную жижу, точно сеяли обычную репу на грядках.

«Погодите...»

Ся Чэнь никак не мог сообразить, в чём подвох. Хоть он и не был заправским фермером, базовые школьные знания у него имелись. Разве рис не сажают ровными рядами зелёных побегов? Где рассадка? Где традиционная высадка саженцев?

— А почему саженцы в воду не переносят? — машинально пробормотал он.

— Саженцы? Какие ещё саженцы? — удивился отец.

Ся Чэнь тряхнул головой, избавляясь от наваждения, и указал рукой на поле:

— То есть вы просто бросаете семена в грязь? И больше ничего не делаете?

— Ну как это ничего! — тут же возразил господин Ся. — Потом за всходами уход нужен глаз да глаз: воду отводи, сорняки дёргай, от вредителей береги. Мороки выше крыши! А если небо разгневается и засуху нашлёт — считай, труды целого года псу под хвост.

Отец изо всех сил сгущал краски, надеясь окончательно отвратить любимого сына от мыслей о сохе и плуге.

«Так они и правда не знают о рассадном способе!» — осенило Ся Чэня, и сердце его радостно затрепетало. Кажется, у его безнадёжного случайного квеста наконец-то появился реальный шанс на успех!

<http://bllate.org/book/18260/1756671>